



**ВЕТХИЙ
ЗАВЕТ**

Библейская история

Александр Лопухин
**Толковая Библия
Лопухина. Ветхий Завет**

«РИПОЛ Классик»

1887

УДК 271.22
ББК 86.372

Лопухин А. П.

Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет / А. П. Лопухин —
«РИПОЛ Классик», 1887 — (Библейская история)

ISBN 978-5-386-12316-1

Книга подготовлена на основе классического труда выдающегося русского библеиста, богослова, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Александра Павловича Лопухина (1852–1904). В своей монументальной работе «Библейская история. Ветхий Завет», выдержавшей до 1917 года 20 переизданий, он собрал и проанализировал весь библейско-хронологический, археологический, исторический и этнографический материал, доступный к концу XIX века. Свой труд А. П. Лопухин предназначал для самого широкого круга людей, так как, по его мнению, «библейская история может стать неисчерпаемым источником нравственного и высшего исторического воспитания для всякого более или менее способного к серьезной умственной жизни человека». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 271.22

ББК 86.372

ISBN 978-5-386-12316-1

© Лопухин А. П., 1887
© РИПОЛ Классик, 1887

Содержание

Предисловие к первому изданию книги А. П. Лопухина «Руководство к библейской истории Ветхого Завета»	6
Период первый	8
I. Сотворение мира	8
II. Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю	12
III. Грехопадение и его последствия. Местонахождение рая	15
IV. Сыновья и ближайшие потомки Адама. Каин и Авель. Два направления в жизни допотопного человечества. Долговечность патриархов. Летосчисление	19
Период второй	26
V. Потоп	26
VI. Потомки Ноя. Родословие народов. Столпотворение Вавилонское и рассеяние народов. Начало идолопоклонства	31
Период третий	36
VII. Избрание авраама. Переселение его в землю ханаанскую и жизнь его в этой стране. Завет бога с авраамом и обетование сына	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Толковая Библия Лопухина. Ветхий Завет

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р15-512-3145.

В оформлении обложки использована репродукция с картины И. Н. Крамского «Молитва Моисея после перехода израильтян через Чермное море»

Рисунки Гюстава Доре

Дизайн обложки Ивана Лицука

© АО «Букс Медиа Москау», 2019

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Предисловие к первому изданию книги А. П. Лопухина «Руководство к библейской истории Ветхого Завета»

В исторической науке в настоящее время совершается необычайное движение именно благодаря тем изумительным открытиям, которые делаются на забытом пепелище исторической жизни древних народов Востока. С того счастливого часа, когда историки, не ограничиваясь пером, взялись за заступы и лопаты и начали раскапывать мусор развалин в долинах Нила, Тигра и Евфрата, равно как и в других странах исторического Востока, перед взорами исследователей открылся целый мир нового исторического знания: бледные и тощие страницы истории древних народов чрезвычайно оживились и расширились, открыто было даже существование новых, совершенно неизвестных дотоле народов и монархий, знание о которых пролило новый свет на всю судьбу древнего человечества. Но эти необычайные открытия получили еще большее значение вследствие того, что они оказались в ближайшем соотношении с библейской историей, и не только пролили в нее много нового света, уясняя часто самые темные ее страницы, но и представили почти чудесное подтверждение многих библейских событий и фактов, которые дотоле могли безнаказанно подвергаться критике скептицизма. Это обстоятельство чрезвычайно оживило интерес к библейской истории, которая перестала быть сухой специальностью богословов, а привлекает теперь внимание и светских ученых историков, и всего образованного общества всех цивилизованных народов.

Интерес этот заметен и у нас, но, к сожалению, у нас он доселе еще не выходил из узких рамок кружка специалистов, и для нашего общества, собственно, доселе буквально не имеется ни одной такой общедоступной книги, которая бы могла служить руководством или введением к этой глубоко интересной и в высшей степени поучительной области знания. Удовлетворение этой, по нашему мнению, насущной потребности отчасти и имеет в виду настоящая книга.

В своих главных частях она составлена была несколько лет тому назад и предназначалась лишь в качестве конспекта для наших личных кабинетных занятий в соприкосновенной с нашей специальностью («Историей Древнего мира») области библейско-исторического знания. Но сознание указанной выше глубокой потребности побудило нас обработать этот конспект в таком виде, чтобы он хоть в малейшей мере мог удовлетворить эту потребность, именно давая связный и живой курс библейской истории с привнесением в него главнейших черт из неисчерпаемого богатства новейших библейско-исторических исследований.

Понятно, что в тех рамках, какие намечены были для настоящего руководства, означенные исследования не могли найти себе самостоятельного места в нем, и мы действительно ограничились лишь привнесением некоторых черт из них, но надеемся, что читатели заметят их присутствие при каждом более или менее важном библейско-историческом событии и сами убедятся, как много света новейшие открытия проливают в области истории и сколько свежего интереса придают самым общеизвестным фактам и событиям.

Свое «руководство» мы предназначаем для чтения вообще, но особенно желали бы, чтобы оно нашло доступ в среду учащегося юношества. По нашему глубокому убеждению, библейская история может стать неисчерпаемым источником нравственного и высшего исторического воспитания для всякого более или менее способного к серьезной умственной жизни человека. Всякая история есть воспитательница ума и сердца и учительница мудрости, но библейская история в этом отношении стоит выше всех других историй, потому что предмет ее — центральные пункты духовной жизни человечества, и в ней раскрываются глубочайшие законы всемирно-исторического развития. Она яснее всего может показать, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, что всякая попытка «делать историю» бессмысленна и вредна, потому что все ждет и требует «исполнения времен», которого нельзя ни прибли-

зять, ни отдалить. Вместе с тем она представляет ряд глубоких житейских опытов величайших характеров, которые своими добродетелями и не менее своими пороками широко раскрывают дверь в самую глубь духовной жизни человека и тем самым преподают глубочайшие уроки для всякого, обладающего достаточно живым нравственным чувством для того, чтобы воспринимать подобные поразительные опыты.

Наше «руководство», конечно, не имеет никаких претензий на изложение библейской истории с этой именно стороны: понимание этой стороны в ней предполагает предварительное знакомство с *начатками* библейско-исторического знания, и эти-то начатки именно и предлагаем мы в своей книге, в надежде, что она может послужить руководством к проникновению и в более глубокую область знания.

В непродолжительном времени имеет последовать подобное же «Руководство к библейской истории Нового Завета».

СПб, 31 декабря 1887 г., А. Л.

Период первый От Сотворения мира до потопа

I. Сотворение мира

Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, представляет собой дивное создание, изумляющее стройностью своих частей и чудесным разнообразием своих форм. Во всей своей необъятности он правильно движется подобно величественным часам, заведенным великим и искусным мастером. И как при взгляде на часы невольно является мысль о сделавшем и заведшем их мастере, так и при рассматривании мира в его правильном и стройном движении разум невольно приходит к мысли о том Виновнике, которому он обязан своим существованием и дивным устройением. Что мир не вечен и имеет свое начало, это ясно доказывается прежде всего общим верованием народов, у которых у всех сохраняется древнейшее предание о начале всех вещей. Затем изучение хода исторической жизни человечества, особенно древнейших его народов, показывает, что сама историческая жизнь имеет весьма ограниченную протяженность и скоро переходит в эпоху доисторическую, которая составляет детство человечества, необходимо предполагающее в свою очередь рождение или начало. На то же указывает и ход развития наук и искусств, который опять приводит нас к первобытному состоянию, когда только начинались они. Наконец, новейшие науки (геология и палеонтология) через изучение наслоений коры земной и заключающихся в них останков неопровержимо и ясно доказывают, что земной шар постепенно образовывался в своей поверхности, и было время, когда на нем совершенно не было никакой жизни, и сам он находился в состоянии бесформенного вещества. Таким образом, начало мира несомненно, хотя бы и в виде бесформенного, первобытного вещества, из которого постепенно образовались все его формы. Но откуда явилось само это первобытное вещество? Вопрос этот издавна занимал мысль человеческую, но она бессильна была разрешить его без высшей помощи, и в языческом мире величайшие мудрецы и основатели религий не в силах были подняться выше той мысли, что это первобытное вещество существовало от вечности, и из него-то Бог создал или устроил мир, будучи лишь таким образом создателем или устроителем мира, но не в собственном смысле Творцом его. Тогда на помощь человеческому разуму явилось Божественное Откровение, заключающееся в книгах Св. Писания, и оно просто и ясно провозгласило великую тайну бытия, постигнуть которую тщетно усиливались мудрецы всех времен и народов. Тайна эта открыта на первой странице книги Бытия, которой и начинается Библейская история мира и человечества.

«В начале сотворил Бог небо и землю», – говорит бытописатель, св. пророк Моисей. В этих немногих словах выражена та необъятная по своей глубине истина, что все существующее на небе и на земле, а следовательно и первобытное вещество, имеет свое *начало*, и *все сотворено Богом*, который один только вечен и существовал в довременном бытии, и притом сотворено *из ничего*, как означает сам глагол *бара*, употребленный для выражения слова «сотворил». Бог есть единый Творец Вселенной, и без Него ничего не могло произойти. Утверждая эту мысль, бытописатель тем самым отверг все другие способы объяснения происхождения мира, т. е. что мир не мог произойти ни от случая, ни от самозарождения, ни от борьбы доброго и злого начал (как учили языческие мудрецы, а за ними и новейшие любомудры), а единственно от свободного решения воли всемогущего Бога, благоволившего из небытия воззвать мир к временному бытию. Решение же это вытекло единственно из любви и благодати Творца, с целью дать и твари возможность насладиться этими величайшими свойствами Его существа. И вот

«Он», по словам боговдохновенного псалмопевца, «сказал и сделалось, Он повелел и явилось» все (Псал. XXXII, 9). Орудием Его при творении служило Слово Его («сказал и сделалось»), которое есть Слово изначальное, Сын Божий, через которого «все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. I, 3). Так как во втором стихе отдельно говорится и об участии Духа Божия в деле творения, то ясно, что Бог действовал при создании мира как превечная Троица¹.



¹ На это отчасти указывает и сам оборот еврейского подлинника в первом стихе: «Бершит *бара Элогим* гашшамим ве эт гаарец», т. е. «В начале сотворил Бог и небо и землю».

Да будет свет.

Открыв тайну происхождения мира как целого и его двух составных частей – неба и земли, бытописатель переходит к описанию порядка образования мира в его теперешнем виде, во всем разнообразии его видимых форм, и так как летопись бытия предназначалась в поучение жителям земли, то и главное внимание его обращается именно на историю образования земли, так что во втором стихе уже не упоминается о небе². В первобытном своем состоянии «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою». Это было только что сотворенное бесформенное вещество – хаос, в котором слепые силы вещества глухо бродили, ожидая зиждательного слова Творца, и над этой-то бродящей бездной была тьма, и только творческий Дух Божий носился над водой, как бы оплодотворяя зародыши и семена имевшей возникнуть жизни на земле. Откровение ничего не сообщает о продолжительности такого хаотического состояния. Только с известного момента началась творчески-образовательная деятельность Творца, и она совершилась в шесть последовательных периодов времени, называемых днями творения.

Когда настало время для начала творческой деятельности, над темным бесформенным веществом прогремело слово Божие: «да будет свет! и стал свет». Над бездной хаоса мгновенно расцвел прекрасный день Божий и озарил мрачную утробу довременной тьмы. «И увидел Бог свет, что он хорош»; и «отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет *днем*, а тьму *ночью*. И был вечер, и было утро; день один».

При появлении света усилилось брожение сил в клокочущем веществе хаоса. Огромные массы паров поднимались над поверхностью земного тела и окутывали его непроницаемыми тучами и мглой, так что терялась всякая грань, отделяющая его от других небесных тел. «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды; (и стало так). И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так». Нижние слои паров превратились в воду и осели на поверхность все еще клокотавшей бездны, а верхние улетучились в необъятной области небесного пространства, и над землею открылось то прекрасное голубое небо, которое мы видим теперь. Это был день *второй*.

Над земным телом была уже очищенная от паров атмосфера, но сама земля все еще была сплошным морем. Тогда «сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так». Сгустившееся и постепенно охлаждавшееся вещество в одних местах поднималось, в других опускалось; возвышенные места обнажались от воды, делались сушей, а углубления и впадины наполнялись сливавшейся в них водой и образовали из себя моря. «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо». Но как ни хорошо было это распределение моря и суши, земля еще не обладала тем, что составляло цель ее создания: на ней не было еще никакой жизни, и лишь голые, мертвые скалы мрачно смотрели на вместилища вод. Но вот, когда совершилось распределение воды и суши и образовались необходимые условия для жизни, не замедлили появиться и первые начатки ее – в виде растительности. «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее), и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле, и стало так». «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: *день третий*».

Но растительность для своего прозябания нуждается в правильной смене света и тьмы. «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли), для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов, и да будут они светильниками на тверди

² Под *небом* разумеется как звездный, так и главным образом высший *духовный* мир, сотворение которого совершилось раньше сотворения земли, так что ангелы, как служащие духи, уже исполняли волю Божию и славословили Творца при совершении Им отдельных актов творения (Иов. XXXVIII, 7).

небесной, чтобы светить на землю: и стало так». По слову Творца окончательно установилась солнечная и звездная система, как она существует теперь. Солнце запыхало своим могучим, животворным светом и озарило окружающие его планеты; небесный свод украсился мириадами звезд, и чарующий блеск их вызвал восторг даже ангелов небесных, которые хором восхвалили Творца. «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: *день четвертый*».

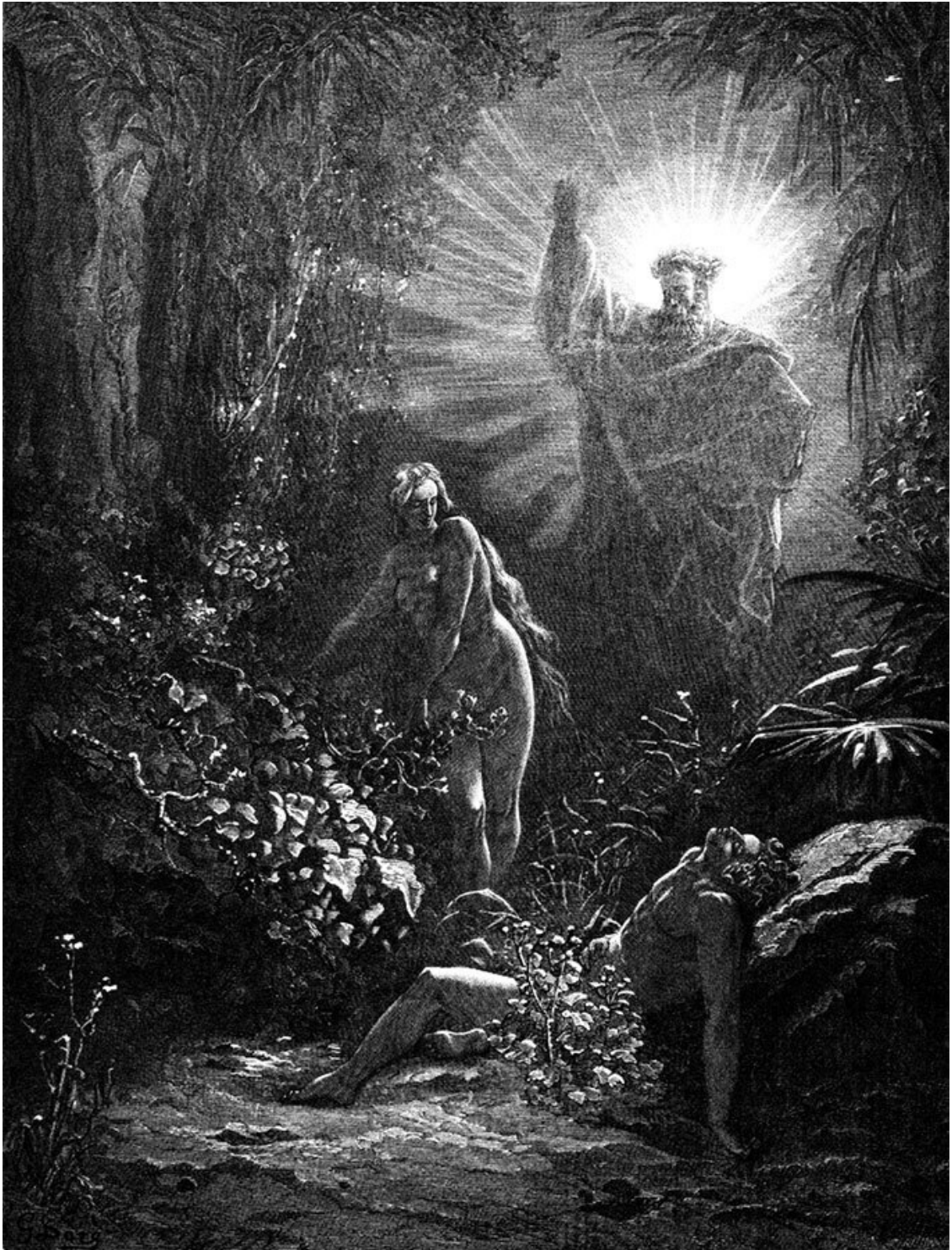
Небо уже украшалось светилами, на земле развивалась исполинская растительность; но не было еще на земле живых существ, которые могли бы наслаждаться дарами природы. Для их существования не было еще надлежащих условий, так как воздух был насыщен вредными испарениями, которые могли способствовать лишь царству растительному. Но вот исполинская растительность понемногу очистила атмосферу, и подготовились условия для развития животной жизни. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живу; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной». В силу этого божественного веления совершился новый творческий акт, не просто образовательный, как в предыдущие дни, а в полном смысле творческий, каким был и первый акт творения первобытного вещества – из ничего. Тут создавалась *душа живая*, вводилось нечто такое, чего не было в существовавшем первобытном веществе. И действительно, бытописатель здесь во второй раз употребляет глагол *бара* – творить из ничего. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: *день пятый*».

Вода и воздух наполнились жизнью, но оставалась еще пустынной третья часть земли – суша, та именно, которая представляет наиболее удобств для жизни живых существ. Но вот настало время и для ее заселения. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их: и стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их». Все эти животные образованы были из земли, откуда они и теперь извлекают свои питательные вещества и в которую обращаются опять при разложении. «И увидел Бог, что это хорошо». – Таким образом земля уже во всех своих частях населена живыми существами. Мир живых существ представлял стройное дерево, корень которого состоял из простейших, а верхние ветви из высших животных. Но это дерево было не полно, не было еще цветка, который бы завершал и украшал его вершину. Не было еще человека – царя природы. Но вот явился и он. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотами, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Здесь в третий раз совершился в полном смысле творческий акт (*бара*), так как человек в своем существе опять имеет нечто такое, чего не было в сотворенной до него природе, именно дух, отличающий его от всех других живых существ.

Так закончилась история творения и образования мира. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: *день шестый*». «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые Он творил и созидал. И благословил Бог седьмый день и освятил его». Отсюда ведет свое начало установление *субботы* как дня покоя, и на этом установлении доселе основывается правильная смена труда и покоя в жизни человеческой.

II. Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю

Человек как венец творения создан по особому совету Творца, и он только один создан по образу и по подобию Божию. Тело его, как и тела всех животных, образовано из земли, но духовная часть его есть непосредственное вдуновение Творца. «И создал Господь Бог человека (Адама) из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Образ и подобие Божие в человеке поэтому состоит в духовном сыновстве его Богу, в стремлении к умственному и нравственному совершенству, дающему ему возможность господствовать над природой. Как царь творения он вводится в особый насажденный для него сад или рай в Эдеме на востоке, приводятся ему в подчинение все твари, и он делается владыкой земли. Но человек как разумное и духовное существо не был бы достойным представителем Божества на земле, если бы он жил в уединении или в общении только с существами или высшими его, как ангелы, или низшими, как животные. Для него было необходимо не только для удовольствия и счастья, но еще более для совершенства божественного дела иметь помощника по себе, способного к восприятию и взаимному общению мыслей и чувств. Между тем среди уже созданных живых существ «для человека не нашлось помощника подобного ему». «И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему». И вот создается жена, и притом из ребра самого человека, взятого у него во время глубокого сна. Как только создана была женщина, человек тотчас понял в этом деле Творца желание счастья для общественной жизни человека и пророчески произнес положение, которое стало законом брака на все последующие века: «вот это кость от костей моих, и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть». Из этих слов, равно как и из обстоятельств самого сотворения жены, естественно вытекает, что муж и жена представляют собой единство, заключаемое в браке, что брак должен состоять из союза одного мужчины с одной женщиной, и что жена должна подчиняться мужу как его помощница, созданная для него. «И благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над всеми тварями».



Сотворение Евы.

И вот первые люди в блаженстве своей невинности обитали в раю, пользуясь всеми его плодами и наслаждаясь всеми его радостями. Им предоставлены были все блага совершенной и невинной жизни. В материальном отношении их окружал избыток богатейших даров райской природы, вместе с плодами дерева жизни, плоды которого имели особенно чудесное значение для их телесной крепости и жизненности, давая им бессмертие. Духовные потребности их находили полнейшее удовлетворение в непосредственном общении с Богом, являвшимся «в раю во время пролады дня», а также в изыскании лучших способов господства над подчиненной им природой и управления ею, для чего Адам нарек имена животным, а также,

конечно, и всем другим предметам, устанавливая таким образом язык как средство различения предметов и общественного сношения. Но высшее совершенство их состояло в нравственной невинности, которая состояла в отсутствии самой мысли о чем-либо нечистом и греховном. «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

III. Грехопадение и его последствия. Местонахождение рая

Пребывание первых людей в раю было пребыванием их в непосредственном общении с Богом, которое и было первой и совершеннейшей *религией* человеческого рода. Внешним выражением этой религии была *церковь* как собрание первых двух верующих. Но так как церковь как внешнее учреждение предполагает известные установления и условия, на которых основывается собрание, то и первобытная церковь была основана на особом завете между Богом и человеком. Завет этот состоял в том, чтобы человек любил Бога и ближних и оказывал Творцу своему совершенное послушание во всех Его повелениях, а Бог с своей стороны обещал за это человеку продолжение его блаженного состояния, безопасность от смерти как болезненного разрушения тела и, наконец, жизнь вечную. Чтобы предоставить человеку возможность засвидетельствовать свое послушание и укреплять свою веру, Бог дал ему заповедь, которая могла служить для него испытанием, как средством укрепления того свободного нравственного самоопределения, в котором заключается высшее благо жизни. Заповедь состояла в запрещении есть от плодов дерева познания добра и зла. «И заповедал Господь Бог человеку и сказал: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла – не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Предоставив человеку полную свободу, Творец, однако же, этой заповедью хотел показать ему, что как существо ограниченное он должен жить под законом и что за нарушением закона последует страшное наказание.

Откровение не сообщает, как продолжительно было блаженное пребывание первых людей в раю. Но это состояние уже возбуждало злобную ненависть врага, который, лишившись его сам, с ненавистью смотрел на невинное блаженство первых людей. Когда на земле господствовал еще мир всеобщего блаженства и она не знала зла, мир в высших своих областях уже был знаком со злом, и происходила борьба с ним. В среде высших сотворенных существ или ангелов, одаренных высшими дарами разума и свободы, некоторые уже нарушили заповедь послушания Творцу, возгордились своим совершенством (1 Тим. III, 6) и не сохранили своего достоинства (Иуд. 6), за что и низвергнуты были из небесного рая в преисподнюю. Зависть и жажда зла сделалась душой этих существ. Всякое благо, всякий мир, порядок, невинность, послушание стали ненавистны для них, и они попытались разрушить их и среди людей, наслаждавшихся блаженством райской жизни на земле. И вот в раю явился искушитель – в виде змея, который «был хитрее всех зверей полевых». При этом он употребил лукавую хитрость, направив искушение не к обоим людям и не к мужу, а к одной жене, как слабейшему члену, скорее поддающемуся увлечению.

Змей приблизился к жене и сказал ей: «Подлинно ли сказал Бог, не ешьте ни от какого дерева в раю?» В вопросе этом заключалась коварная ложь, которая должна бы сразу оттолкнуть собеседницу от искушителя. Но она по своей невинности не в состоянии была сразу понять здесь коварство и в то же время была слишком любопытна, чтобы тотчас же прекратить разговор. Однако же она поняла ложь вопроса и ответила, что Бог разрешил им есть от всех деревьев, кроме одного лишь дерева, которое посреди рая, потому что от вкушения плодов его они могут умереть. Тогда искушитель прямо возбуждает недоверие к Богу. «Нет, – сказал он, – не умрете; но Бог знает, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Коварное слово глубоко запало в душу женщины. Оно возбудило ряд сомнений и душевную борьбу. Что такое добро и зло, которое она может узнать? И если люди блаженствуют в теперешнем состоянии, то в каком же блаженстве будут они, когда станут как боги?.. В тревожном возбуждении она невольно обращает взор к запретному дереву, а оно так приятно для глаз, вероятно, сладостно для вкуса, а особенно заманчиво по своим таинственным свойствам. Это внешнее впечатление решило внутреннюю борьбу, и женщина

«взяла плодов этого дерева, и ела, и дала также мужу своему, и он ел». Величайший переворот в истории человечества совершился. Те, которые должны были служить чистым источником всего человеческого рода, отравили себя плодами смерти. Женщина последовала змею, как бы он был выше Бога. По его внушению она сделала то, что запретил Творец. А ее муж во грехе последовал жене, которая из соблазненной тотчас же сделалась соблазнительницей.



Изгнание из рая.

Не замедлили сказаться и следствия вкушения запрещенного плода: у них действительно открылись глаза, как обещал искушитель, и запретный плод дал им знание: но что же узнали

они? – узнали то, что они наги. Возмущенное нравственное чувство открыло перед ними сознание их наготы, ставшей победным знаком чувственности и торжества плоти, и, чтобы прикрыть ее, они сшили себе смоковые листья и сделали из них опоясания – эту первичную форму одеяния. Но если согрешившие устыдились так даже собственного внутреннего голоса совести, то им совершенно страшно стало предстать теперь перед Богом. Настал вечер, и прохлада теней его разливала блаженство по саду. В это время обыкновенно происходило у них собеседование с Богом, которого они до сих пор с невинной радостью ожидали и встречали, как дети своего отца. Теперь же они желают, чтобы этого момента никогда не наступало. А между тем он приблизился, и они услышали знакомый голос. Ужас объял Адама и жену его, и они «скрылись от лица Господа Бога между деревьями рая».

И воззвал Господь Бог и Адаму: «Адам, где ты?» А несчастный беглец с трепетом ответил из чащи дерев: «Голос Твой я услышал в раю и убоялся, потому что я наг, и скрылся». – «Но кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» Вопрос был поставлен прямо, но грешник не в силах был ответить на него так же прямо: он дал уклончивый и лукавый ответ: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». Вину он сваливает на жену и даже на Самого Бога. Господь обратился к жене: «Что ты это сделала?» Жена также в свою очередь отклоняет от себя вину: «Змей обольстил меня, и я ела». Жена сказала правду, но в том, что они оба старались выгородить себя от вины, заключалась ложь. В этом сразу сказались пагубное влияние отца лжи, обольщению которого поддались первые люди, и это влияние, как испытый яд, отравило всю их нравственную и телесную природу.

Тогда Господь изрек заслуженное наказание, и прежде всего змею, как послужившему орудием искушения: он был проклят перед всеми животными и ему определена жалкая жизнь пресмыкания на чреве своем и питания прахом земли³. Жена осуждена на подчинение мужу и на тяжкие страдания и болезни при рождении детей, а муж осужден на тяжелую жизнь, так как земля, проклятая за дела человека, должна была оскудеть в своих дарах, производить терние и волчцы, и только в изнурительном поте он мог добывать себе хлеб для пропитания, пока не возвратится в землю, из которой взят был: «ибо прах ты, и в прах возвратишься», сказал Господь, осуждая его на телесную смерть. Страшно было наказание за преступление заповеди Божией; но как милосердный Отец, Бог не оставил Своих согрешивших чад без утешения и тогда же дал им обетование, которое светлой надеждой на восстановление потерянного блаженства должно было поддерживать их унылый дух в дни последующих испытаний и невзгод греховной жизни. Это именно обетование о *Семени* жены, которое долженствовало стереть главу змия, т. е. окончательно победить разрушителя блаженства людей и восстановить людям возможность достигать блаженства и жизни вечной на небе. Это было первое обетование о Спасителе мира, и в знамение Его пришествия установлено жертвоприношение животных (видимо, уже теперь разделенных на два класса – чистых и нечистых), заклание которых должно было предзнаменовать заклание великого Агнца за грехи мира. Сделав Адаму и жене его Еве (матери живущих, как назвал ее теперь Адам) кожаные одежды (из убитых для жертвоприношения животных) и научив их одеваться, Господь изгнал их из рая «и поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни», которого они через свой грех сделали теперь недостойны.

³ Форма проклятия змею: «ты будешь ходить на чреве твоём» (Быт. III, 14) дала повод к возникновению впоследствии предания, что до этого проклятия змей ходил в стоячем положении. Но этому противоречит самое устройство организма змея, очевидно приспособленного именно к ползанию, совершаемому с замечательным искусством. Смысл проклятия тот, что в наказание за коварство, сделавшее из змея пагубное орудие исконного врага для погубления человеческого рода, естественный способ его передвижения, отнюдь сам по себе не унижительный и не жалкий, а, напротив, возбуждающий удивление своим замечательным проворством и изумительной изворотливостью, сделался отселе знаком и печатью проклятия Божия и, как такой, должен был возбуждать (как и возбуждает теперь) ужас, отвращение и презрение. «Пресмыкание» сделалось отселе синонимом низости и позора.

С изгнанием людей из рая у них среди трудов и невзгод греховной жизни изгладилась с течением времени сама память о точном его местонахождении. У разных народов мы встречаем самые смутные предания, неопределенно указывающие на восток, как место первобытного блаженного состояния. Самое точное указание находится в Библии, но и оно настолько неясно для нас при теперешнем виде земли, что по нему также невозможно с географической точностью определить местоположение Эдема, в котором находился рай. Вот это библейское указание: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме, на востоке. Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Тихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат» (Быт. II, 8–14). Из этого описания прежде всего ясно, что Эдем – это обширная страна на востоке, в которой находился рай, как меньшее помещение, назначенное для обитания первых людей. Затем название третьей и четвертой рек ясно указывает на то, что эта Эдемская страна находилась в некотором соседстве с Месопотамией. Но этим и ограничиваются понятные для нас географические указания. Первые две реки (Фисон и Тихон) не имеют теперь ничего соответствующего себе ни по географическому положению, ни по названию, и потому они подавали повод к самым произвольным догадкам и сближениям. Одни видели в них Ганг и Нил, другие – Фазис (Рион) и Араке, берущие свое начало в возвышенностях Армении, третьи – Сырдарью и Амударью, и так далее до бесконечности. Но все эти догадки не имеют серьезного значения и основываются на произвольных сближениях. Ближайшим определением географического положения этих рек служат земли Хавила и Куш. Но первая из них так же загадочна, как и орошающая ее река, и можно только догадываться, судя по ее металлическим и минеральным богатствам, что это некоторая часть Аравии или Индии, служивших в древности главными источниками золота и драгоценных камней. Несколько определеннее название другой страны – Куш. Этим термином в Библии обыкновенно называются страны, лежащие к югу от Палестины, и «кушиты», как потомки Хама, от его сына Хуша или Куша, встречаются на всем пространстве от Персидского залива до Южного Египта. Из всего этого можно заключить лишь одно, что Эдем действительно находился в некотором соседстве с Месопотамией, на что указывают и предания всех древнейших народов, но в точности определить его местонахождение невозможно. Земная поверхность с того времени претерпела столько переворотов (особенно во время потопа), что не только могло измениться направление рек, но могла порваться и самая связь их между собою или даже прекратиться самое существование некоторых из них. Вследствие этого науке так же прегражден доступ к точному определению местонахождения рая, как он прегражден был согрешившему Адаму – к вкушению от древа жизни в нем.

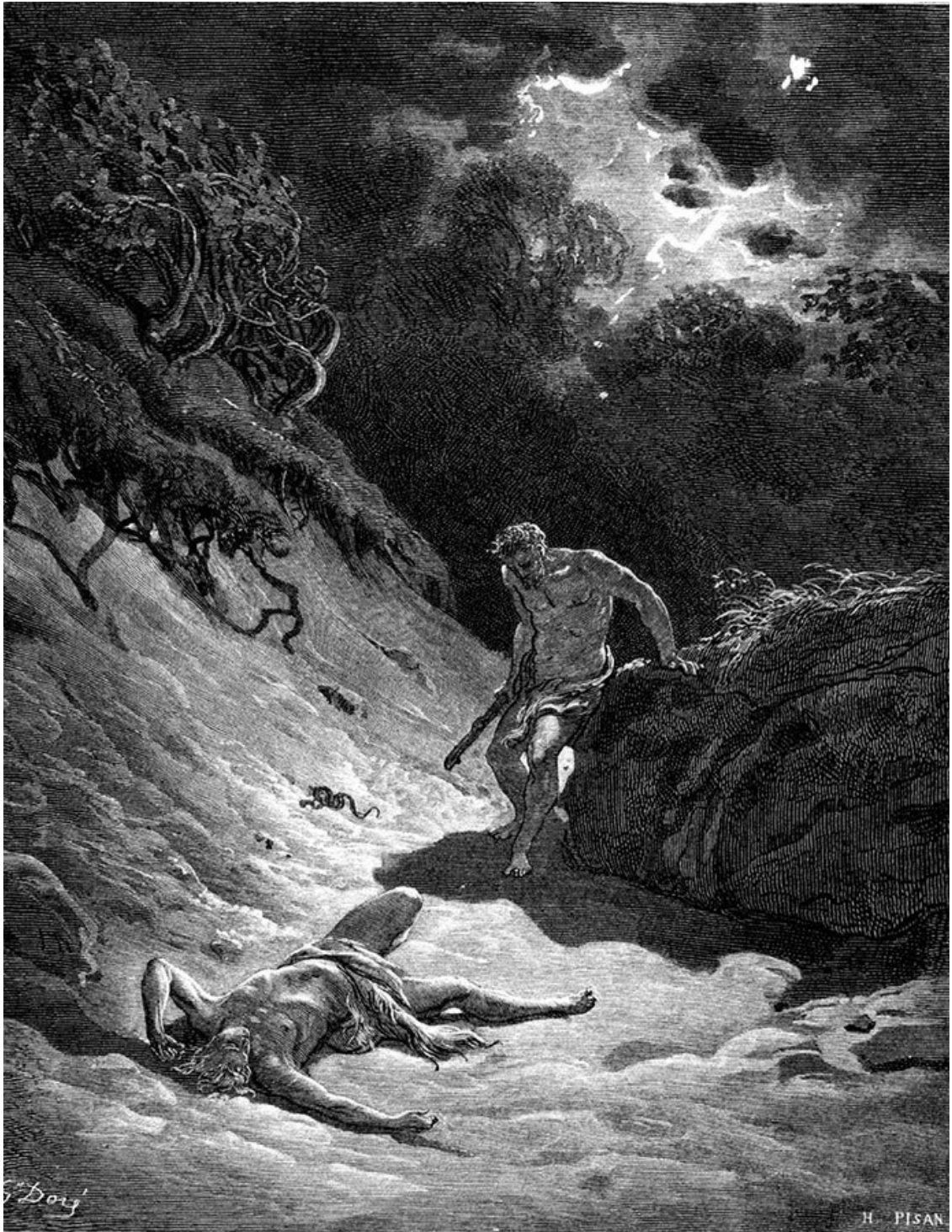
IV. Сыновья и ближайшие потомки Адама. Каин и Авель. Два направления в жизни допотопного человечества. Долговечность патриархов. Летосчисление

Лишившись своего прежнего блаженного жилища, первые люди поселились к востоку от Эдема. Эта восточная внерайская страна сделалась колыбелью человечества. Здесь начались первые труды обыденной суровой жизни, и здесь же явилось первое поколение «рожденных» людей. «Адам познал жену свою Еву, и она зачала и родила сына, которому дала имя Каин, что значит: приобрела я человека от Господа». При первом рождении Ева переживала совершенно новые, неизвестные ей состояния – беременность и болезненность родов. Последствием их явилось новое, дорогое для нее существо, которое привело ее в восторг, выразившийся в самом его наименовании, которое очевидно выражает память об обетовании Божиим касательно семени жены. Но она жестоко ошиблась, предполагая в своем первом сыне начало избавления от постигшей ее кары: в нем явилось для нее лишь начало новых, неизвестных еще ей страданий и горя. Впрочем, Ева скоро сама поняла, что она слишком скоро стала лелеять себя надеждой на исполнение обетования, и потому, когда родился у нее второй сын, она назвала его Авелем, что значит призрак, пар.

Теперь уже первые люди не одни: образовалось семейство, а вместе с ним стали вырабатываться и новые отношения. С приращением семейства увеличились потребности, для удовлетворения которых понадобился усиленный труд. Уже с первых дней нового положения, в которое люди поставлены были грехопадением, потребности оказались разнообразными: требовалось добывать пищу и одеяние. Соответственно этому произошло у первых людей и разделение труда: первый сын Каин стал обрабатывать землю для удовлетворения первой потребности питания, а второй – Авель стал заниматься скотоводством для добывания шкур, шерсти, а также и молока. Выбор рода труда и занятий первых братьев, конечно, зависел от различия их характеров и склонностей. Занятия еще больше разделили их, и между первыми братьями не замедлило обнаружиться соперничество, кончившееся страшным злодеянием, какого дотоле не видела еще земля. «Однажды Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел». Причину этого, конечно, нужно видеть не только в качестве самых даров, но и особенно во внутреннем расположении для принесения их. Этим навсегда давался урок, что жертва Богу должна соединяться с внутренней жертвой доброго сердца и добродетельной жизни. Между тем, если Авель принес свою жертву с верой, подтверждаемой доброй жизнью, то Каин, напротив, принес ее, очевидно, без внутреннего участия, так как в жизни «дела его были злы» (1 Иоан. III, 12). Увидев предпочтение, оказанное брату, и видя в нем явное обличение своих «злых дел», Каин сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На нем появились зловецкие черты. Но совесть (этот голос Божий внутри человека) заговорила в Каине: «Почему ты огорчился, и от чего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Каин, однако, не послушался предостережения и отворил греху дверь своего сердца. Зазвав своего доверчивого брата в поле, он убил его, совершив невиданное еще землей злодеяние. Страшное злодеяние, впервые внесшее разрушение и смерть в порядок природы, не могло остаться без наказания. «Где Авель, брат твой?» – спросил Господь Каина. «Не знаю: разве я сторож брату моему?» – отвечал убийца, показывая таким ответом, какой страшный шаг вперед сделало зло со времени падения прародителей. Эта дерзость, это бесстыдное отрицание не допускали возможности дальнейшего испытания, и Господь прямо обратился к убийце с определением наказания. «Что ты сделал? голос крови

брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет больше давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Окровавленная земля в силу этого определения должна была потерять свое прежнее плодородие, так что Каину нельзя уже было оставаться в прежнем месте. Проклятие, вызванное первородным грехом, также пало на землю и только посредственно на человека; теперь же, когда грех дошел до убийства, проклятие падает уже на самого убийцу, но не безусловное проклятие, а проклятие изгнания, в силу которого земля, в качестве исполнительницы воли Божией, не давая своих плодов Каину, должна была принудить его удалиться из первобытной колыбели человечества. Ввиду тяжести возложенного наказания, упорство Каина сломилось и перешло в малодушие и отчаяние. «Наказание мое, – воскликнул он, – больше, нежели снести можно. Пусть всякий, кто встретится, убьет меня». Но это желание Каина, вызванное его отчаянием, было преступно и потому не могло быть исполнено. Как наказанный убийца, он должен был служить предостерегающим примером для других. Поэтому всякому, кто бы решился на убийство Каина, должно было всемерно отомститься. Поникшее, искаженное злодейством лицо его должно было служить знаком, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его – будет ли то дикий зверь, или кто из братьев его.

И пошел Каин скитаться по земле, и наконец поселился в земле Нод, еще далее на восток от Эдема. Трудно определить точное положение этой страны. Некоторые исследователи указывают на Северную Индию, Китай и др. Во всяком случае, это земля, удаленная от первичного поселения людей, страна «изгнания», как показывает и самое ее название. Но туда Каин удалился не один. Как ни велико было его злодеяние и оскорбление, нанесенное чистоте и святости братской любви, из среды размножившихся за это время братьев, сестер и последующих поколений нашлись люди, которые решились последовать за Каином в страну изгнания, так что он поселился там с женой. Здесь у него родился сын, которого он назвал Енохом. Удаленный от остального общества людей, предоставленный своей собственной судьбе, Каин, от природы суровый и упорный, теперь с еще большим упорством должен был бороться с природой и внешними условиями жизни. И он действительно весь отдался тяжелому труду для обеспечения своего существования и был первым человеком, который построил *город* как начало оседлой жизни. Город назван был по имени сына его Еноха. Некоторые исследователи возражают, будто бы немислимо допустить построение города в такое раннее время. Но до этого события могло пройти от происхождения человека уже несколько столетий, в продолжение которых люди могли прийти к мысли о лучших средствах защиты своего существования от внешних врагов. Притом под именем «города», конечно, нельзя разуметь в собственном теперешнем смысле город, а просто ограду, возведенную для защиты находившегося среди ее жилища.



Смерть Авеля.

Поколение Каина стало быстро увеличиваться, а вместе с тем продолжалась начатая его родоначальником борьба с природой (культура). Из среды его выходили люди, которые, наследовав от Каина упорную волю в борьбе с природой, продолжали неутомимо изыскивать новые средства для успешнейшего ведения ее. Особенно замечательно в этом отношении семейство Ламеха, шестого члена в поколении Каина по прямой от него линии⁴. Сам Ламех замечателен

⁴ Вот последовательный ряд представителей этого поколения; Каин, Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусал и Ламех (Быт. IV, 18). Встречающиеся здесь имена Еноха, Мафусала и Ламеха не нужно смешивать с подобными же именами в другом поколении – Сифовом.

в истории человечества тем, что он первый нарушил естественный, установленный при начале порядок брачных отношений и ввел *многоженство*, сделавшееся впоследствии источником ужасного попрания человеческого достоинства женщины, особенно на Востоке. Подчиняясь своей страстной натуре, он взял себе две жены – Аду и Циллу. От них родились сыновья, которые явились изобретателями первых ремесел и искусств. От Ады родился Иавал. Он первый изобрел палатки и с ними начал вести вполне кочевую жизнь, перенося шатры и перегоня стада с одного места на другое. Брат его Иувал был более поэтической натуры и прославился изобретением инструментов, посредством которых можно выражать порывы и чувства души. Он первый изобрел гусли и свирель и есть отец всех играющих на них. Гусли, или арфа (по-еврейски *кинур*), по описанию Иосифа Флавия, имела десять струн, на которых играли при помощи плектра – особой музыкальной палочки. Изобретение Иувала, конечно, представляло простейшую форму струнного инструмента. Замечательно при этом, что первые музыкальные инструменты изобретены братом первого скотовода-кочевника, принимавшим, вероятно, в занятиях последнего близкое участие: большой и счастливый досуг этого занятия дает более всего поводов к такому изобретению. От Циллы у Ламеха также родился замечательный сын по имени Тувалкаин. Он прославился самым полезным изобретением для борьбы с природой, именно пришел к мысли воспользоваться металлами для приготовления из них прочных орудий защиты и хозяйства и стал ковать эти орудия из меди и железа. До него все орудия для защиты или инструменты для домашних хозяйственных занятий, вероятно, готовились из камня, дерева или костей. Дикие народы до сих пор обходятся с такими орудиями, и в постепенном приближении их к цивилизованным народам эти первобытные орудия сменяются сначала медными и бронзовыми (в Южной Америке – золотыми), а потом уже железными. Сестру Тувалкаина Ноему – «Прекрасную» – предание называет изобретательницей звуков и песен. Но поэзия в собственном смысле обязана своим началом самому Ламеху, этому отцу стольких изобретателей. Восхищенный изобретениями своих сыновей, а особенно Тувалкаина, он обратился к своим женам с такой речью:

Ада и Цилла, послушайте голоса моего,
Жены Ламеховы, внимайте словам моим:
Я убил бы мужа за язву мне⁵,
И отрока за рану мне.
Если за Каина отмстится всемеро,
То за Ламеха в семьдесят раз всемеро.

В этом шестистишии представляется первый пример собственно поэтической речи в первобытную эпоху, и песнь эта представляет верное отражение еврейской, как самой древней поэзии. Что касается содержания этой первобытной поэмы, то в общем смысл ее таков. Среди насилий и жестокостей того времени, особенно свирепствовавших между потомками Каина, Ламех утешает своих жен уверением, что с помощью медного и железного оружия, находящегося теперь благодаря изобретению Тувалкаина в его руках, он может убить всякого, кто бы осмелился оскорбить его; и если Каину было обещано, что за него отомстится всемеро, то в руках потомства Ламехова теперь есть средство отомстить за себя в семьдесят раз всемеро. В этой поэме выразился тот дух высокомерия и самонадеянности, которым отличалось в своей жизни и в своем характере потомство преступного и мрачного изгнанника. Ламех смотрит на только что изобретенное оружие, которое выковал его сын, и из груди его вырывается песнь торжества. Как далеко он опередил своего предка Каина, принужденного беспо-

⁵ В синодальном переводе: «Я убил мужа в язву мне». Принятая в тексте форма хотя менее точна, но зато более соответствует общему смыслу этого места.

мощно скитаться по земле! Он не нуждается теперь уже в посторонней помощи и сам сумеет защитить себя во всякое время. Он не только не боится убийства, но он сам воспекает убийство. Вот к чему пришло потомство первого убийцы. Потомки Каина всю свою деятельность направили на обеспечение материальной жизни. Эти чисто житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном поработании житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями. При таком направлении оно, очевидно, не могло быть истинным представителем человеческого рода и тем более хранителем великих духовных сокровищ – первого обетования о Спасителе и связанных с ним первобытных религиозных и нравственных установлений. Оно по своей грубой односторонности грозило только извратить предназначенный человечеству исторический ход развития. Этому одностороннему направлению необходим был противовес. И он действительно явился в поколении нового сына Адамова – Сифа, родившегося на место убитого Авеля. Сифом начинается в истории то поколение людей, которое по своему духовному настроению представляло полную противоположность потомству Каина. В поколении Каина люди, поклоняясь единственно материальной силе, все свои способности (до полного забвения о Боге) обращали на выработку и приобретение средств, увеличивающих эту силу; здесь, напротив, вырабатывалось и развивалось совершенно иное, более возвышенное направление, которое, пробуждая в людях смиренное сознание человеческой беспомощности и греховности, устремляло их помыслы к верховному Покровителю, давшему падшим людям обетование будущего избавления. Направление это заявило о себе уже при сыне Сифа – Еносе: «Тогда, – говорит библейская летопись, – начали призывать имя Господа Бога (Иеговы)». Это, конечно, не значит, что до этого времени совершенно не было в употреблении молитв как призывания Бога. Религия стала выражаться во внешних формах, а следовательно, и в молитве еще при первых сыновьях Адама – в приношении Богу дара. Выражение это означает лишь то, что теперь в поколении Сифа призывание имени Господа Бога сделалось открытым исповеданием их веры в Бога, знаменем, которое отличало их от Каинова поколения с его грубым безверием и нечестием. Высшим выразителем и представителем этого направления явился Енох, который «ходил пред Богом», т. е. во всей своей жизни отражал высоту первоначальной человеческой чистоты и святости. Вместе с тем он первый сознал, к какой бездне порочности и греховности может привести каиновское направление, и выступил первым проповедником и пророком, предвозвещавшим Страшный суд Божий над «нечестивыми». «Се, – говорил он, – идет Господь со тьмами святых ангелов Своих сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники» (Иуд. 15, 16). В награду за это высокое благочестие и великую веру Бог «взял его» с грешной земли и тем освободил от вызванной грехом смерти (Евр. XI, 5).

Новое поколение, в котором проявилось противоположное каиновскому направление, будучи носителем истинной религии и связанного с ней обетования, естественно, должно было стать тем корнем, из которого будет развиваться все древо человечества. И оно действительно стало им. Ход исторического развития, начинаясь от первого человека и разделяясь на два течения, главнейшим своим руслом направился в сторону этого именно поколения. В этом поколении выступают один за другим те великие представители первобытного человечества, или патриархи, которые, крепкие духом и телом, призваны были долговечным трудом вырабатывать и сохранять начала, долженствовавшие лечь в основу жизни всех дальнейших поколений. Для успешнейшего осуществления своего назначения они по особому промыслу Божию наделены были необыкновенной долговечностью, так что каждый из них почти целое тысячелетие мог быть живым хранителем и истолкователем вверенного им обетования. Первый человек Адам, этот первый виновник совершившегося в истории человечества переворота

и первый свидетель великого обетования о Спасителе, жил 930 лет; его сын Сиф – 912 лет; сын Сифа Енос – 905 лет; представители последующих поколений: Каинан – 910 лет, Малелеил – 895, Наред – 962, Енох, жизнь которого прервана взятием на небо, – 365, Мафусал – 969, Ламех – 777 и сын последнего Ной – 950 лет. Об этой необычайной долговечности патриархов единогласно свидетельствует предание всех древних народов. При суждении о ней нужно иметь в виду, что они были близкие потомки только что созданных людей (и притом созданных бессмертными), естественные условия жизни были отличны от нынешних, сама жизнь была проста и естественна, да и вообще в состоянии природы после райского ее состояния не вдруг произошли те перемены, которые сделали ее влияние часто разрушительным для жизни. Еще и теперь продолжительность жизни человеческой достигает до 200 лет и между африканскими арабами, по свидетельству путешественников, даже не редко. Почему же нельзя считать возможной более чем в 200 лет продолжительность жизни в первобытное время, когда первобытные ископаемые останки указывают на грандиозные размеры и исполинскую крепость живших тогда существ? Доказано, что некоторые животные и особенно птицы и теперь живут 300–400 лет. Не невозможно поэтому, что и человек в стране своего первоначального происхождения и при образе жизни, более сообразном с природой, чем теперь, мог жить так долго, как именно свидетельствует летопись библейская.

Летосчисление жизни патриархов служит основой и для общего определения жизни человечества на земле, для установления *хронологии* первобытной истории. Построение ее облегчается и упрощается тем, что счет лет патриархам ведется в библейской летописи тройкой: 1) от начала жизни до рождения первого сына, 2) от рождения первого сына до конца жизни и 3) число лет всей жизни. Особенно важен первый счет. Он дает возможность провести непрерывную линию лет от Адама до всякого последующего патриарха: следует только складывать годы каждого, прожитые до рождения первого сына. Так, Адаму было 130 лет, когда у него родился сын Сиф, Сифу было 103 года при рождении Еноса, Еносу было 90 лет при рождении Каинана. Сумма этих лет составит период от сотворения Адама до рождения Каинана: $130 + 103 + 90 = 325$ лет. Тем же способом можно определить количество лет от Адама до Ноя, от которого началась новая эпоха в истории человечества⁶. Но при видимой простоте летосчисления представляет почти неразрешимые трудности в другом отношении. Чтобы установить хронологию этой первобытной эпохи, необходимо еще предварительно найти прочную опору в самом счете лет жизни патриархов – как всей, так и до рождения первого сына, так как этот счет значительно разнится в трех наиболее древних и авторитетных текстах библейской летописи: еврейском, самаританском и греческом. Разницу эту можно видеть из следующей сравнительной таблицы:

⁶ По еврейскому тексту счисление представляется в таком виде: Адам – 130, Сиф – 105, Енос – 90, Каинан – 70, Малелеил – 65, Иаред – 162, Енох – 65, Мафусаил – 187, Ламех – 182, Ной – 500, Сим до потопа – 100. Сумма этих цифр – 1656 – составляет количество лет от сотворения Адама до потопа.

	ЕВРЕЙСКИЙ ТЕКСТ			САМАРИТАНСКИЙ			ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ		
	Лета до рождения первого сына	Остаток лет	Вся жизнь	Лета до рождения Первого сына	Остаток лет	Вся жизнь	Лета до рождения первого сына	Остаток лет	Вся жизнь
Адам	130	800	930	130	800	930	230	700	930
Сиф	105	807	912	105	807	912	205	707	912
Енос	90	815	905	90	815	905	190	715	905
Каинан	70	840	910	70	840	910	170	740	910
Малелеил	65	830	895	65	830	895	165	730	895
Иаред	162	800	962	62	785	847	162	800	962
Енох	65	300	365	65	300	365	165	200	365
Мафусаил	187	782	969	67	653	720	187 (167)	782	969
Ламех	182	595	777	53	600	653	188	565	753
Ной	500	—	—	500	—	—	500	—	—
До потопа	100	—	—	100	—	—	100	—	—
Год потопа	1656	—	—	1307	—	—	2262	—	—

Над разрешением и соглашением этого различия в счете лет трудились многочисленные толкователи, но до сих пор дело не выяснено с достаточной полнотой. Делались всевозможные предположения. Одни объясняют эту разницу случайными ошибками переписчиков священных книг; другие в отступлениях самаританского текста видят последовательное стремление к уменьшению невероятной будто бы долговечности патриархов, а в отступлениях греческого текста от еврейского – стремление семидесяти толковников подвести библейское летосчисление под формы египетского; наконец, иные в уменьшенных показаниях еврейского текста видят преднамеренное искажение текста иудеями, желавшими этим доказать, что еще «не пришло исполнение времен», которое по древнему пророчеству должно было совершиться на шестой тысяче лет от сотворения мира. Больше вероятности имеют первое и последнее предположения, хотя, может, существовали и другие причины, еще не открытые наукой. Во всяком случае показания греческого перевода точнее, и они легли в основу летосчисления, принятого православной церковью и поддерживаемого многими знаменитыми учеными исследователями. По этому летосчислению рассмотренный период обнимает (до потопа) 2262 года.

Период второй От потоп до Авраама

V. Потоп

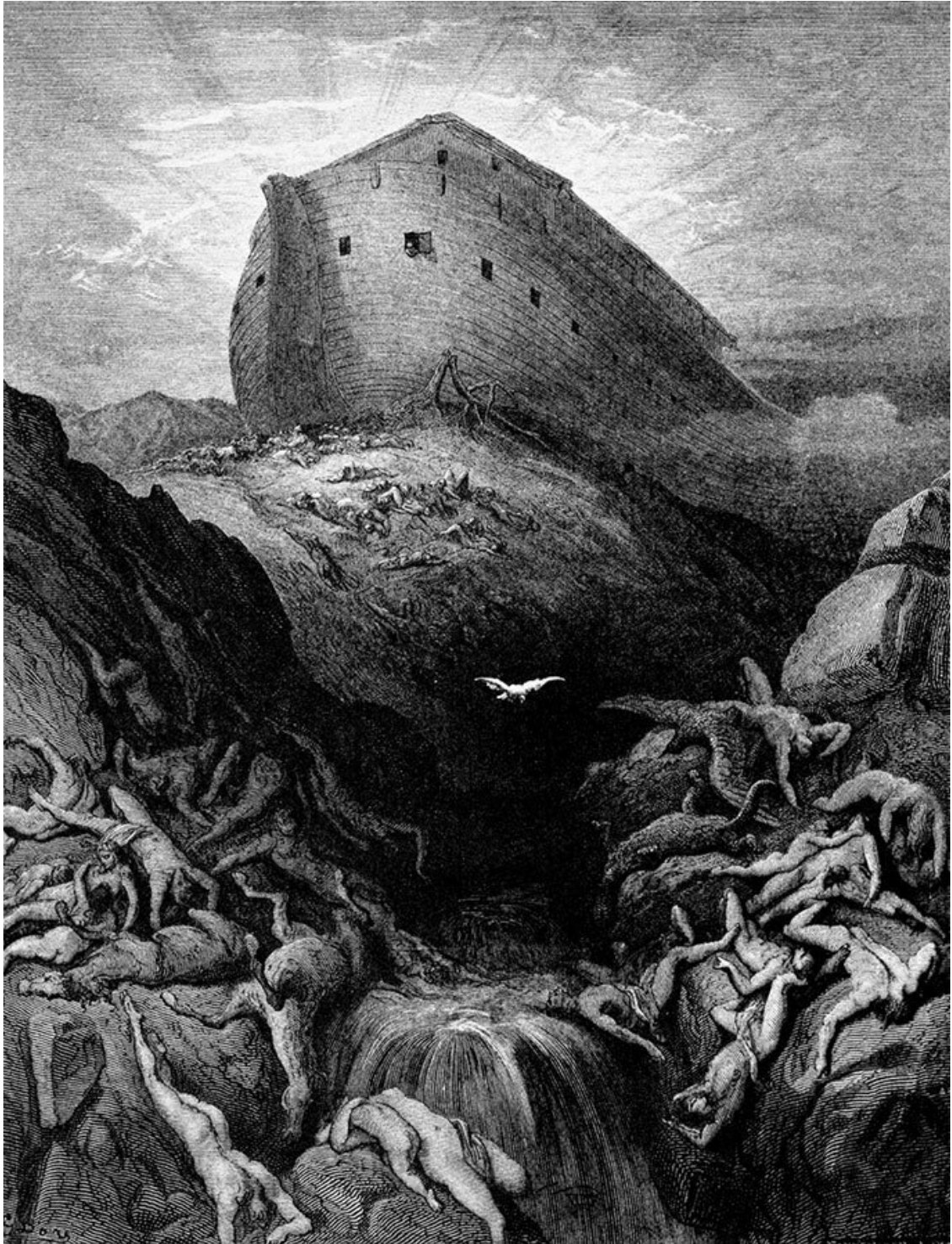
Необычайное долголетие патриархов было необходимо в первобытной истории человечества как для скорейшего заселения земли и распространения полезных познаний, так и для сохранения чистоты первоначального богопочтения и веры в данное первым людям обетование Избавителя. Патриарх каждого поколения мог передавать свои знания в течение целых столетий родоначальникам других поколений, которые в свою очередь передавали их далее в течение новых столетий. Так, Адам мог быть живым свидетелем первобытных преданий до самого рождения Ламеха, а отец последнего Мафусал – долговечнейший из людей – жил почти до самого потопы и умер за шесть лет до его наступления⁷.

Но, с другой стороны, долголетие могло служить и удобнейшим средством умножения и распространения зла в человечестве. Необычайная редкость случаев смерти, с ее ужасами, лишала совесть людей одного из страшнейших предостережений; затем сообщество злых людей содействовало умножению зла и порока, а кажущаяся отдаленность суда или избавления могла придавать смелость самому дерзкому неверию и кощунству. И вот действительно зло стало сильно разрастаться в мире; но высшего своего развития оно достигло вследствие смешения между собой потомков Каина и Сифа, и именно когда по грубому влечению чувственности «сыны Божии (потомки Сифа) увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». В это время земля была уже значительно населена, но вместе с заселением ее распространилось страшное зло порочности и развращения. «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». Это, очевидно, была не простая естественная порочность испорченной натуры, а всеобщее господство открытого и дерзкого греха и восстания против Бога. От преступно сладострастного общения потомков Сифовых с потомками Каиновыми произошло поколение «исполинов на земле». Полагаясь на свою силу, они внесли в человеческое общество ужасы насилия, бесправия, хищничества, сладострастия и всеобщего неверия в обетование будущего избавления. Когда поколение Сифа жило обособленным, оставалась еще надежда на сохранение истинной религии и связанного с ней обетования, а теперь погибла и эта надежда и оставался единственный исход для искоренения порока и неверия на земле – истребить все существующее человечество. И вот при виде такого состояния людей «раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». Как созданные одновременно с человеком и для человека, животные постоянно должны разделять участь человека.

Но волны порока еще не залили всего человечества. Среди него оказался человек, который «обрел благодать пред очами Господа Бога». Это был Ной, сын Ламеха, «человек праведный и непорочный в роде своем»; он «ходил пред Богом», как и его предок Енох. И вот когда земля «растлилась пред лицом Божиим и наполнилась злодеянием», когда «всякая плоть извратила путь свой на земле», Господь сказал Ною: «Конец всякой плоти пришел пред лице Мое, и Я истреблю их с лица земли. Сделай себе ковчег. Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле,

⁷ По еврейскому тексту – в самый год наступления потопы.

лишится жизни. Но с тобою поставлю завет мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою». Откровение было страшное и ввиду того, что кругом царствовало самое дерзкое неверие, служило сильным испытанием веры. Бог назначил сто двадцать лет на раскаяние человеческому роду, и в это время Ной должен был приступить к своему необычайному сооружению, которое могло вызывать у окружающих людей лишь насмешки и угрозы. Но вера его была непоколебима.



Послание голубя.

Ной был не только наследником праведности и веры, но и проповедником ее на земле, и «получив откровение о том, что еще не было видимо» (Евр. XI, 7), приступил к сооружению ковчега для спасения дома своего, обличая своей проповедью весь мир с его неверием и беззаконием. Ковчег строился по точному указанию Божию – из дерева гофер, что более всего подходит к кипарису, и был осмолен внутри и снаружи. Длина ковчега 300 локтей, ширина 50 локтей и высота 30 локтей⁸. Наверху было сделано длинное отверстие по всему ковчегу – в локоть ширины, для света и воздуха, а сбоку дверь. Он должен был состоять из трех ярусов, со множеством отделений в них. Последние предназначались для всех животных, которых Ной также должен был взять с собою (по семи пар чистых и по одной нечистых), а также и для жизненных припасов. «И сделал Ной все, что повелел ему Господь Бог». Несомненно, во время этой величественной постройки Ной продолжал вместе с тем «проповедывать праведность», особенно когда это вызывалось присутствием любопытствующих и насмехающихся людей беззакония, приходивших смотреть на его построение. Но самой красноречивой и громкой проповедью было это самое сооружение. Долготерпение Божие все еще ожидало пробуждения покаяния и во время самого построения ковчега, но все было напрасно. Издеваясь над проповедью и грозным предостережением, люди становились еще более беззаботными и беззаконными. Они «ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Матф. XXIV, 38, 39). Ко времени окончания построения ковчега Ною было шестьсот лет, и тогда, не видя больше надежды на покаяние грешного человечества, Господь повелел Ною войти в ковчег со всем своим семейством и определенным количеством животных. «Ибо чрез семь дней, – сказал Он, – Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли». Ной повиновался и вошел в ковчег со своими тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом, со своей женой и женами своих сыновей, захватив и всех отобранных животных, и «Господь затворил за ним ковчег». И вот когда прошли и эти семь дней, прошел последний срок, данный для покаяния, «воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый (27) день месяца (т. е. по нашему счислению, если здесь имеется в виду гражданский еврейский год – около начала или половины ноября) разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные открылись; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей».

Так совершилось великое наказание Божие развращенному и утопавшему во зле человечеству. Вода быстро затопляла все и поднималась все выше и выше, на пятнадцать локтей покрывая даже высочайшие горы. «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности [всей] земли; остался только Ной, и что было с ним в ковчеге». Вода же прибывала в течение полутора суток дней, или пяти месяцев. Вся поверхность земли покрылась водой, и по этому необъятному морю носился только один ковчег Ноев, заключавший в себе лишь избранное семя для развития новой жизни на земле. «И вспомнил Бог о Ное и о всех бывших с ним в ковчеге, и навел Бог ветры на землю, и воды остановились». Источники бездны закрылись, дождь прекратился, и вода пошла на убыль. Ровно через пять месяцев с начала потопа ковчег остановился на горах Араратских. В первый день десятого месяца показались верхи гор, а еще по прошествии сорока дней Ной уже открыл окно в ковчеге и выпустил первого вестника ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на

⁸ Если считать локоть в 21 дюйм (т. е. 12 вершков), то это составит 525 футов длины, 87 1/2 ширины и 52 1/2 высоты. По вычислению Блаженного Августина, размеры ковчега в его трех измерениях были те же, что и пропорциональные размеры нормального человеческого тела, «длина которого от подошвы до маковки в шесть раз более ширины груди и в десять раз более толщины или глубины лежащей фигуры человека, измеряемой по прямой линии от земли». В 1609 году один голландец, Петр Янсен в Гоорне, построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что при такой форме корабль представляет гораздо большую вместительность (именно на одну треть), чем при обычной форме построения кораблей.

вершине обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли, а неопределенно «отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды». Выпущенный затем голубь, не найдя сухого места, возвратился в ковчег, но, выпущенный опять через семь дней, он возвратился со свежим масличным листом во рту, и Ной таким образом «узнал, что вода сошла с земли». Выпущенный еще через семь дней, голубь уже не возвратился. Тогда Ной открыл кровлю ковчега и увидел, что поверхность земли обсохла, а к двадцать седьмому дню второго месяца шестисот первого года жизни Ноя, т. е. ровно через год со времени наступления потопа, и совсем высохла.

Тогда Господь повелел Ною выйти из ковчега и распустить животных для размножения на земле. По выходе из ковчега первой мыслью Ноя было воздать благодарение Господу за столь чудесное спасение; он устроил жертвенник Господу, взял чистых животных и птиц и принес их во всеожжение. Такое благочестие Ноя было приятно Господу, и «Он сказал в сердце Своем: не буду более проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его, и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся».

Так как Ной со своим семейством являлся новым родоначальником человечества на земле, то Бог повторил ему благословение, некогда данное первым людям. «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, (и обладайте ею)». Все звери были приведены человеку в подчинение, и ему разрешено было кроме растительной пищи потребление в пищу и мяса животных, но не крови их, потому что «в крови животных душа их». В то же время дан был закон против человекоубийства – на том основании, что все люди братья, и потому всякое убийство есть братоубийство, и что человек создан по образу Божию. Первый убийца был изгнан из общества людей, но жизнь его объявлена неприкосновенной; теперь было постановлено, что «кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человека». Этот закон, очевидно, устанавливал право гражданской власти наказывать убийц смертью. Таким образом к установлению субботы и брака было присоединено три новых постановления – о воздержании от употребления крови, о запрещении убийства и о праве гражданской власти. Это так называемые «Ноевы законы», которых иудеи насчитывали семь, прибавляя к ним еще постановления против идолопоклонства, богохульства, распутства и воровства. Наконец, в завершение этих отдельных постановлений Бог заключил с Ноем торжественный *Завет*, т. е. один из тех договоров, которыми Он из любви к людям принимал на Себя известные обязательства, чтобы посредством их и на человека возложить спасительные для него обязательства. В силу этого Завета Он торжественно обещал Ною, что «не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на истребление земли», и знаменем этого Завета была указана радуга, появляющаяся на небе после дождя в знак того, что это не дождь потопа, а дождь благословения.

С историей потопа связываются некоторые недоумения, которые заставляют иногда перетолковывать ее действительный смысл. 1) Так, некоторые считают невозможным разуметь здесь в собственном смысле Всемирный потоп, покрывший всю землю, и понимают его всемирность лишь в смысле всеобщего погубления людей в тех странах, на которых они успели дотопе расселиться. Но такое ограничение ничем не оправдывается, хотя оно и не непримиримо с прямыми библейскими выражениями, и, напротив, опровергается геологическими следами потопа в самых отдаленных частях земной поверхности. Притом и науке известны такие перевороты на земле, когда целые материки покрывались водой, как, например, материк Атлантида, закрытый теперь Атлантическим океаном. Если такие явления возможны в силу естественных переворотов, то тем понятнее становится в полном смысле Всемирный потоп как страшное Божие наказание для истребления жизни на грешной земле. 2) Если допустить всемирность потопа, то будто бы немислимо было собрать все породы животных в том помещении, какое представлял Ноев ковчег. Но нужно иметь в виду, что в ковчег могли быть взяты лишь такие породы,

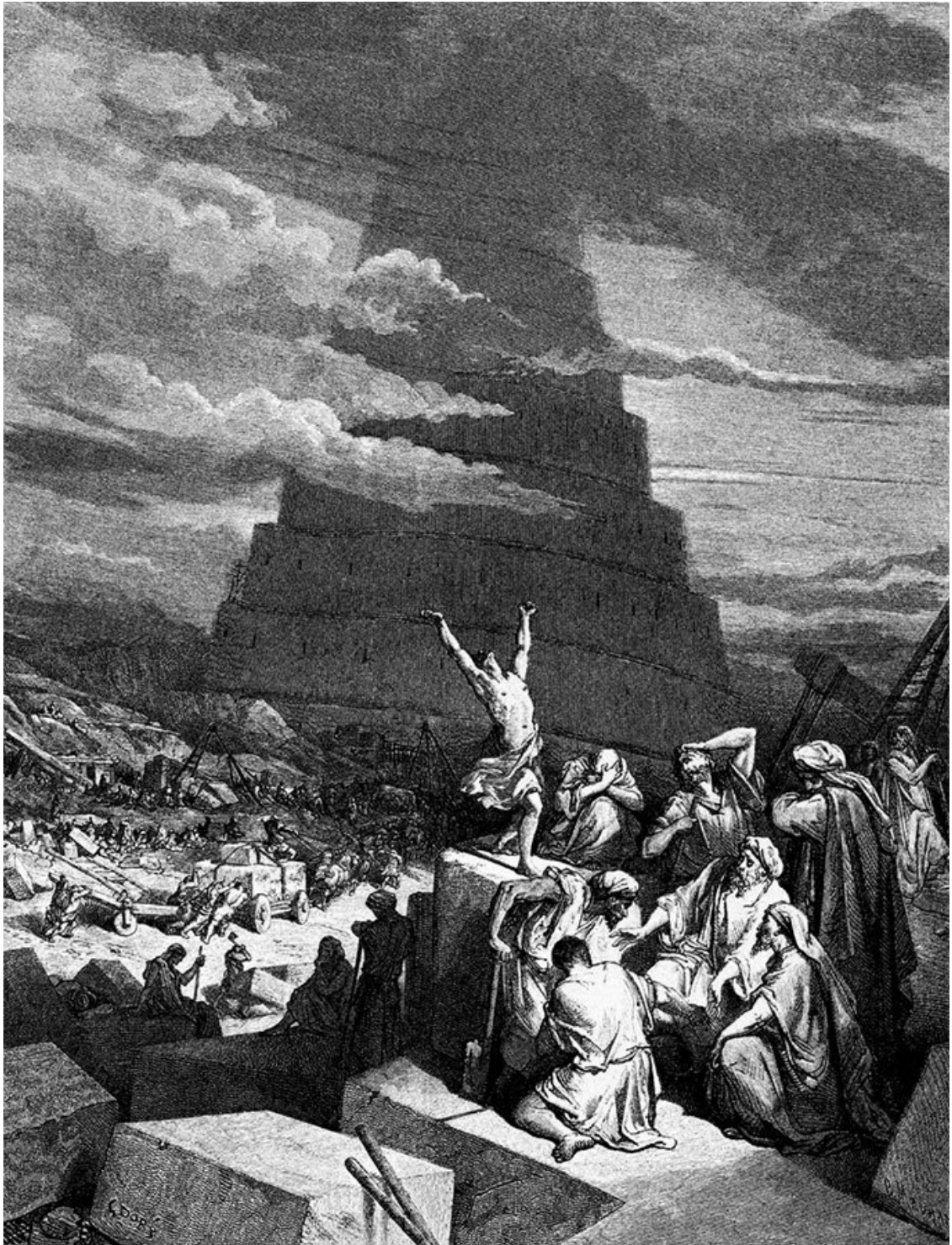
которые решительно не могли пережить потопа и просуществовать в воде даже в виде зародышей и семени, чтобы после возродиться из них от солнечной теплоты; затем по теперешнему разнообразию пород нельзя судить о породах допотопных, которых было несравненно меньше; и наконец, многие породы, несомненно, прямо были обречены на истребление, как, например, все те страшные допотопные чудовища (мамонты, мастодонты и пр.), останки которых находят в слоях земли и которые теперь не существуют в действительности. Таким образом, за исключением всего этого, останется уже не так много, чтобы не поместиться в ковчеге, с которым по величине и вместительности не может сравниться ни один даже из теперешних исполинских кораблей, плавающих по океанам. Что же касается вообще истинности истории потопа, то она находит поразительное подтверждение во всеобщности предания о нем у различных и самых отдаленных между собой народов. Как и, естественно, предания различных народов в подробностях переполнены легендарными сказаниями, имеющими местный оттенок, но общий смысл их указывает на один общий потоп, погубивший все грешное человечество, за исключением одного благочестивого семейства. Такие предания мы встречаем у греков и народов восточной и западной Азии, встречаем даже у туземцев Америки и на самых отдаленных островах Океании. Но самое интересное и сходное с библейским повествование найдено у древних вавилонян. Это – халдейское повествование, подлинник которого недавно открыт и прочитан на каменных плитах из развалин Ниневии. Оно даже в подробностях подтверждает истинность библейского повествования. Все эти предания как бы указывают на один общий источник, откуда они разнесены были отдельными племенами при расселении их по всем направлениям земли.

VI. Потомки Ноя. Родословие народов. Столпотворение Вавилонское и рассеяние народов. Начало идолопоклонства

После потопа опять началась обыденная жизнь с ее обычными заботами и трудами. Ной был примером благочестия, трудолюбия, других добродетелей для своих детей. Но истинно слово Божие, что «помышление сердца человеческого – зло от юности его», и сам праведный Ной вскоре показал своим сыновьям и пример порочной слабости. Он рассадил виноградник, воспользовавшись для этого, по иудейскому преданию, отростком лозы, высунувшейся из ограды райской. Не знал ли он действия плода виноградного, или в употреблении его проявилась в нем склонность к пороку, отличавшему погубленных потопом людей, которые неумеренно «ели и пили», во всяком случае он опьянел и повалился в неблагопристойном положении – «обнаженным в шатре своем», чем и вызвал непочтительное и насмешливое отношение к себе со стороны своего сына Хама. Только другие сыновья – Сим и Иафет отнеслись к нему с почтением и прикрыли его. Узнав об этом, Ной выразил свои чувства в словах, которые получили пророческое значение для судьбы потомков его сыновей. Первобытное состояние общества было патриархальным. Патриарх, т. е. глава рода, имел над своими детьми и их потомками неограниченную власть, принадлежавшую впоследствии *царю*; он был в то же время *священником*, который приносил жертвы, и *пророком* как хранителем истинной религии и провозвестником будущих судеб. Поэтому сказанное Ноем своим сыновьям действительно имело решающее значение для их будущей судьбы. Хам за его непочтение к своему родителю и патриарху был проклят в лице своего сына Ханаана; Сим благословлен как представитель истинного благочестия, а Иафету предсказано необычайное распространение на земле, и обоим им Ханаан отдан в рабство. Смысл этого пророчества таков: земля будет разделена между людьми, и наибольшее пространство займут потомки *Иафета*; истинная религия сохранится в потомстве *Сима*; в определенные времена он покорит себе землю *Ханаанскую* с населяющим ее племенем, и в его стране явится Искупитель мира. Потомки *Иафета* также вселятся в шатрах Симовых, т. е. войдут в землю Ханаанскую как символ основанной в ней истинной церкви.

Сам Ной после потопа жил еще 350 лет и умер 950 лет от роду, будучи последним представителем допотопной долговечности. Больше о нем ничего не сообщается в библейской летописи, которая переходит к описанию дальнейшей судьбы его потомков. Земля была разделена на три части между потомством трех сыновей Ноя. Потомки Сима заняли Азию, по преимуществу Аравийский полуостров с прилегающими странами; потомки Хама поселились почти исключительно в Африке с отпрысками в соседние страны Азии, и потомки Иафета заселили всю обитаемую в то время северную полосу земли, идущую от колыбели послепотопного человечества через Малую Азию в Европу, по северному берегу Средиземного моря. На происхождение населения этих стран света от трех сыновей Ноя указывает то обстоятельство, что многочисленные языки, на которых говорят народы и племена в этих частях света, наука сводит к трем основным корням, несомненно имеющим свое общее начало в первобытном языке, каким он был до «смещения языков». В частности, из потомков Иафета можно указать происшедшие от его сыновей и внуков народы: от Гомера – кимвры, от Магога – скифы, от Мадаг – мидяне, от Иавана – греки (ионяне), от Фираса – фракийцы и т. д. От Сима произошли все семитские народы, населявшие Аравию и другие соседние страны Азии. Он был «отец всех сынов Евровых», т. е. племен и народов, родственных народу еврейскому. Наконец, из сыновей Хама – Хуш (или Куш) был родоначальник населения Ефиопии, Мицраим – Египта, Фут – Ливии и Ханаан – населения земли Ханаанской или Палестины.

Потомство Хамово поселилось почти исключительно в Африке, кроме Ханаана, который занял Палестину и впоследствии был отчасти изгнан из нее израильтянами. Но был еще один потомок Хамов, который также поселился в Азии. Это именно Нимрод, сын Хуша, основатель Вавилонского царства и покоритель Ассирии. Это был «сильный зверолов», но по своему характеру он напоминает первого строителя городов – Каина с его ближайшим потомством. Он основал город (Вавилон), который быстро разросся в большую, гордую столицу, ставшую во главе многочисленного населения с целым рядом других соседних городов. Неудивительно, что такой успех наполнил Нимрода и его потомков необычайной гордостью. Они начали мечтать об основании всемирной монархии, чтобы объединить под своей властью все народы земли и господствовать над ними вопреки воле Божией, определившей им быть рабами. И вот с этой целью основав могущественный город в земле Сеннаар, как в древности называлась Месопотамия, они составили совет, на котором порешили в знак своего политического могущества и в выражение своей гордости построить «башню, вышиною до небес». Предприятие, очевидно, было безумное и неисполнимое, но оно в то же время было преступное и опасное: преступное потому, что вытекало из гордости, граничившей с самонадеянностью и отвержением Бога, и опасное потому, что выходило из среды проклятого и неблагословенного потомства Хамова. Успех его в этом деле мог пагубно повлиять на остальные народы и таким образом заразить и их преступной самонадеянностью и нечестием. И вот когда закипела работа, обжигались кирпичи и готовилась земляная смола, Господь порешил наказать их за безумное предприятие. «И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».



Возведение Вавилонской башни.

Около местоположения Древнего Вавилона и теперь высятся громадные развалины какой-то исполинской, в семь разноцветных этажей, башни, называвшейся *Бирс-Нимруд*, т. е. «Башней Нимрода», и предание иудейское видит в ней именно ту башню, построением которой до небес племя Хамово хотело прославить свое имя. Что касается «смешения языков», то не нужно отождествлять его с происхождением языков. Мы не знаем, в чем состояло это смешение, или какие начатки языка различные народы понесли с собой при рассеянии. Несомненно, что в это именно время проявились главные особенности, которыми отличаются различные классы языков, и что строители рассеялись потому, что не могли уже понимать друг друга. Но

это не значит, что тогда сразу образовались языки, какими они существуют теперь. Сравнительное языкознание открывает в строении и развитии языков стройные и чудесные законы, чуждые всякого беспорядочного смещения. Смещение могло состоять в различном выговоре и сочетании слов (достаточном для взаимного непонимания), и по расселении в различные страны на основании этих особенностей уже выработались отдельные языки.

Так как нечестивое потомство Хамово, забывшее Бога и всецело полагавшееся на себя, не замедлило бы привить отличавшее его безбожие всем другим племенам и народам, которые оно хотело объединить под владычеством Вавилона, то с рассеянием народов была предотвращена опасность быстрого распространения этого зла. Но задатки самого зла все-таки остались, «потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его». Расходясь все дальше и дальше от первоначальной колыбели человечества и тех родоначальников, которые хранили истинную веру в Бога и связанные с ней истины, и встречаясь со множеством невиданных предметов и опасностей, народы мало-помалу стали всецело сосредоточиваться на этих ближайших предметах; у них затемнялась память об общих преданиях предков, а вместе с тем затемнялось и само понятие о Боге. Среди множества трудностей и опасностей им нужен был такой Бог, который был бы вблизи их и к которому можно бы прибегать за помощью при всяком наличном бедствии. Между тем Бог отцов их был для них невидим и лишь неясно предносился их воображению. Ввиду этого они легко могли перейти к боготворению чего-нибудь такого видимого, что могло особенно поражать их воображение своим величием, красотой, пользой или страхом. Так произошло идолопоклонство, или язычество, которое есть не что иное, как отвержение невидимого и суеверная привязанность к видимому. Вместо невидимого Творца и Промыслителя человек стал боготворить видимое, прежде всего, быть может, солнце, луну и звезды, как благодетельные светила, дававшие жизнь и руководившие в странствовании, затем предметы окружающего неодушевленного и одушевленного мира (полезных или страшных животных) и, наконец, выдающихся чем-нибудь людей, которые в качестве героев делались полубогами и по смерти переходили в сонм богов. Боготворение видимого неба (сабеизм), видимой и особенно одушевленной природы (зоотеизм) и человека (антропотеизм) составляет три главные ступени язычества и как внешнего его выражения – идолопоклонства. Эти три вида идолопоклонства нашли впоследствии наиболее резкое выражение в трех отдельных странах – Месопотамии, Египте и Греции. Правда, человек не удовлетворялся таким грубым идолопоклонством и кроме всех видимых богов постоянно признавал над всеми и даже над богами господство высшей, неумолимой судьбы (в чем нельзя не видеть темного остатка воспоминания о едином всемогущем Боге – Промыслителе), но идолопоклонство уже по самой своей сущности приковывало ум к грубо чувственным предметам и отвлекало от всего сверхчувственного. Чувственные божества заставляли и боготворить в них чувственные силы и свойства, и с распространением нечестия дело дошло до того, что люди стали боготворить и освящать в своих чувственных божествах даже грубые пороки, подражание которым и ставилось в религиозный долг.

И вот таким образом вместо истинного боговедения и богочтения на земле распространилось грубое идолопоклонство и нечестие. Волны греха и суеверия опять затопляли землю и опять грозили окончательно погубить и искоренить истинную религию с ее основным корнем, заключавшимся в великом обетовании будущего Спасителя мира от рабства греху и нравственной смерти. Правда, на земле среди всеобщего идолопоклонства и нечестия оставались еще отдельные лица, которые сохраняли истинную веру. Но окружающая среда скоро могла увлечь и их общим потоком нечестия. Поэтому, чтобы сохранить семена истинной веры для будущего, необходимо было выделить какого-нибудь носителя их из среды беззакония и сделать его избранным отцом и родоначальником нового поколения верующих. Так и устроено было благим Промыслом Божиим.

Это было через 352 года после потопа по еврейскому счислению и через 1207 лет – по греческому. Последнее счисление представляется более вероятным, так как дает больше исторического пространства для совершения изложенных важных событий⁹.

⁹ Разногласие в определении этого времени зависит от того, что единственными данными для его определения служат лета послепотопных патриархов, показания которых опять значительно расходятся в главных текстах библейской летописи. Родословие послепотопных патриархов начинается Сим, у которого через два года после потопа родился Арфаксад. В этом показании сходятся все три текста, и потом разницу в показании лет следующих патриархов до рождения ими первого сына можно видеть из следующей таблицы:

	Евр.	Греч.	Самар.
Арфаксад	35	135	135
Каинан	—	130	130
Сала	30	130	130
Евер	34	134	134
Фалек	30	130	130
Рагав	32	132	132
Серух	30	130	130
Нахор	29	79	79
Фара	70	70	70

Из этой таблицы видно, что в показаниях лет послепотопных патриархов греческий и самаританский тексты сходятся между собой, а еврейский уклоняется от них, последовательно умаляя цифру на сто лет и в показании лет Нахора на 50 лет. Такое отступление явно указывает на преднамеренное сокращение лет, и даже целых поколений, так как в еврейском тексте совершенно не значится Каинан. Ввиду полного согласия греческого и самаританского текстов показание их получает больше достоверности сравнительно с еврейским.

Период третий

От избрания Авраама до смерти Иосифа и заключения патриархальной эпохи

VII. Избрание авраама. Переселение его в землю ханаанскую и жизнь его в этой стране. Завет бога с авраамом и обетование сына

В южной части Месопотамии, в так называвшейся в древности Халдее, на правом берегу Евфрата, верстах в десяти от него находится деревня Мугейр, основанная на развалинах древнего города, остатки которого видны еще и теперь. Город этот, как видно по надписям на памятниках, был Ур, называвшийся по месту своего положения Халдейским. В древнее время он находился гораздо ближе к берегу Персидского залива, от которого теперь отделяет его большая полоса наносной земли, и вел обширную морскую торговлю. Местность кругом была плодородная, промышленность оживленная, и население (по преимуществу кушитского происхождения), отличавшееся мирным промышленным характером, пользовалось полным благосостоянием и стояло на высокой ступени цивилизации. Особенно развито у них было строительное искусство, и остатки больших сооружений и теперь возбуждают удивление в исследователях. Необычайная прозрачность воздуха, в котором звезды скорее пылают, чем просто светят, дала повод к раннему наблюдению над небесными светилами, и астрономия со сродной ей астрологией была любимым предметом особого класса ученых, которые занимались также изучением математики, законодательств и способов государственного управления. Письменность уже хорошо была известна, и существовали даже целые библиотеки, хотя вместо книг служили глиняные доски с изображенными на них письменами. Из промышленных искусств известны были особенно производство тканей, обработка металлов и гравирование. К несчастью, вся эта богатая цивилизация насквозь пропитана была самым грубым идолопоклонством с неразлучным с ним нечестием. Вместо жертвенников истинному Богу повсюду возвышались храмы и капища идолам, служение которым часто принимало грубо чувственный и постыдный характер. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми следовали другие второстепенные божества, как меньшие планеты и звезды. Им строились храмы, посвящались города, делались с них изображения, получавшие значение домашних богов (терафимы), которым вверялось охранение благосостояния отдельных семейств. В эту-то страну идолопоклонства переселился один из слепопотопных патриархов, именно сын Нахора – Фарра. Отдаленным предком его был Евер, который происходил по прямой линии от Сима, сына Ноева. Происходя от такого славного рода и будучи прямым его представителем, Фарра твердо держался отеческих преданий: хранил не только истинную веру в Бога и связанное с нею обетование, но и все законы Ноевы. Неизвестно, что именно побудило его переселиться в Халдею, но во всяком случае известно, что он поселился в Уре и жил там значительное время. У него образовалось там собственное семейство, состоявшее из трех сыновей – Аврама, Нахора и Арана, которые в свою очередь поженились, и у последних двух были свои дети, а жена Аврама Сара (сестра ему по отцу, но не от родной матери) была бесплодна.

Положение этого семейства в идолопоклоннической стране, несомненно, было тяжелое. Кругом царило самое омерзительное для него идолослужение. Сам Ур Халдейский был даже центром местного идолопоклонства и славился своими храмами идолам, среди которых самым почитаемым была луна. Все это так тяготило благочестивое семейство Фарры, что он, не видя

возможности долее оставаться в идолопоклоннической и нечестивой стране, жители которой, быть может, к тому же враждебно относились к нему за его истинную веру и непоклонение идолам, намеревался совсем оставить ее и переселиться в землю Ханаанскую. Но различные связи со страной все-таки удержали его от этого, и он переселился лишь в другой халдейский город Харран, где и остановился. Между тем окружающая среда не осталась без влияния и на это благочестивое семейство: сам Фарра к концу жизни, по-видимому, поддался идолопоклонству (I. Нав. XXIV, 2), и, таким образом, опасность угрожала вере даже и в этом благочестивом семействе. Тогда Господь определил взять из этого именно семейства человека, чтобы сделать его Своим избранным орудием в деле сохранения истинной религии в мире.

Божественный выбор пал на Аврама. Это был, несомненно, самый верующий и благочестивый член в семействе, и, по иудейскому преданию, он еще в детстве проявил необычайную преданность истинной религии. Будучи еще отроком, Аврам при виде окружающего его грубого идолопоклонства тревожно занят был великим вопросом, правильно ли поступают люди, боготворя небесные светила. Однажды, говорит предание, озирая землю и взглянув на небо, отрок Аврам начал думать, кто бы мог сотворить все это. Вот взошло солнце во всем своем блистательном великолепии, и он подумал, что, должно быть, это и есть создатель всего, и он поклонился ему и боготворил его целый день. Когда, однако же, с наступлением вечера солнце закатилось, Аврам усомнился, чтобы так мог помрачаться создатель всего. Но вот на востоке поднялась в своем чарующем блеске луна, и вокруг ее засверкали бесчисленные звезды. «Поистине, – закричал отрок, – это творец вселенной, и звезды его слуги!» – и он поклонился луне и обоготворил ее. Однако же и луна медленно скатилась на запад, звезды померкли, и вновь на восточном небосклоне поднялось дневное светило. Тогда сказал Аврам: «Нет, не может быть, чтобы какое-нибудь из этих небесных светил могло быть создателем мира; они повинуются только воле Невидимого, которому они и обязаны своим существованием: Его-то отсею я и буду только боготворить, Ему-то я и буду только поклоняться». И этой истинной веры он непреклонно держался до того момента, когда Промысл Божий сделал его своим избранным.

«И сказал Господь Авраму: пойдй из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе». Чтобы ободрить его в этом подвиге, Господь тотчас прибавил великое обетование: «И Я произведу из тебя великий народ, и благословлю тебя и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. Я благословлю благословлящих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

Авраму было в это время семьдесят пять лет от роду, он был женатый человек и, хотя не имел детей, все-таки уже вполне устроился на своей родине; поэтому, чтобы оставить все и идти в неизвестную землю, требовалась сильная вера в голос откровения. Но Аврам был силен верою, в доме отца он мужественно боролся против вторжения идолопоклонства, и теперь, слыша такое великое обетование, выше которого в патриархальное время и для верующего человека ничего и не могло быть, он «верою повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная куда идет» (Евр. XI, 8). Взяв свою жену и племянника своего Лота (оставшегося сиротой после своего отца Арана) и захватив свои стада с состоящими при них домочадцами, Аврам переправился на правый берег Евфрата и направился по сирийской пустыне в Дамаск, где нашел себе верного слугу Елеазара, и затем, перейдя р. Иордан, вступил в землю Ханаанскую и раскинул свой шатер у дубравы Море, близ Сихема, в одном из самых благодатных мест страны. И там ему вторично явился Господь и подтвердил, что Он отдаст эту землю потомству Аврама, в память чего Аврам воздвиг там жертвенник Господу. Туземцы-хананеи не особенно дружелюбно встретили пришельца, прибывшего пользоваться их пастбищами, и поэтому Аврам был принужден двинуться дальше к югу и там, остановившись между Вефилем и Гаем, воздвиг еще жертвенник Господу. Пребывание в этой гористой местности делало его безопасным от хананеян, занимавших более богатые пастбища на низменностях, но местность эта была скудна для прокормления стад. Он поэтому двинулся

еще дальше к югу, пока полный голод не вынудил его совсем оставить обетованную землю и идти в житницу Древнего мира – Египет.

Египет в это время находился уже на высокой ступени цивилизации. На берегах Нила уже возвышались величественные пирамиды, как они возвышаются и теперь; были даже и памятники, свидетельствовавшие об исторической древности страны. Неограниченный правитель (фараон) принимал от своего народа божеские почести, как прямой потомок богов. Науки и искусства процветали, и имела уже значительная литература по разным отраслям знания, а особенно по анатомии и медицине. В больших богатых столицах и городах возвышались многочисленные храмы и обелиски, обложенные полированным гранитом, и повсюду можно было видеть множество сфинксов и всевозможных статуй и идолов – из камня, золота, серебра, бронзы и слоновой кости. Богатейшие и всячески разукрашенные живописью и скульптурой гробницы с покоящимися в них набальзамированными покойниками (мумиями) представляли собой целые «города мертвых». Кругом кипела самая бойкая и цветущая общественная жизнь. Фараонов дворец в Мемфисе кишел всевозможными жрецами и волхвами, состоявшими в качестве приближенных советников фараона. Знатные вельможи жили в великолепных домах, наполненных всякой челядью, всевозможными слугами и рабами, и вся окружающая жизнь свидетельствовала о том, что Египет по справедливости заслужил название «страны чудес». Все это, несомненно, должно было немало поразить Аврама (хотя он и видел нечто подобное на своей родине, в Халдее); но он, однако, уже и раньше немало был наслышан о Египте и даже отчасти знаком был с характером правления и нравами страны. Поэтому, вступая в нее, он нашел нужным принять некоторые предосторожности. Так, зная безграничный произвол и деспотический характер царей ее – фараонов, он согласился с Сарой, чтобы она выдавала себя только за сестру его, так как иначе, в случае, если она понравится фараону, египтяне убьют ее мужа, что и действительно случилось, как показывают памятники Древнего Египта. Предосторожность оказалась не напрасной. Красивая Сара понравилась фараону, и он взял ее в дом свой, а своего мнимого шурина наделил богатыми подарками – «мелким и крупным скотом, и ослиами, и рабами, и рабынями, и лошаками, и верблюдами». Но «Господь поразил фараона тяжкими ударами за Сару жену Аврамову», так что он вынужден был возвратить ее мужу и велел им оставить свою страну.

По оставлении Египта Аврам опять поселился в окрестностях Вефиля, где он возобновил свое богослужение, «призывая Господа». Между тем стада Аврама и его племянника Лота умножились так, что им стало недоставать пастбищ, и пастухи того и другого начали заводить из-за пастбищ споры и ссоры между собой, да и сам Лот, видимо, начал стремиться к независимости от своего дяди. Это было новое испытание веры Аврама, и он не посрамил ее. Он предложил Лоту избрать себе лучшую часть пастбищ, которую тот и избрал, взяв себе всю богатейшую окрестность иорданскую, страну, которая «вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская». Сам Аврам, веруя в лучшие обетования, остался на скудных пастбищах Вефиля, и за эту веру, соединенную с самоотвержением, Господь наградил его третьим обетованием: «Возведи очи свои, сказал ему явившийся Господь, и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. Я сделаю потомство твое как песок земный; если кто может сосчитать песок земный, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в длину и в ширину ее: ибо Я тебе дал ее (и потомству твоему навсегда)». Аврам двинул свой шатер и поселился у дубравы Мамре в Хевроне. Это было третье место стоянки Аврама в земле обетованной, и оно сделалось обычным местом его пребывания там.

Между тем Лот, отделившись от своего дяди Аврама, поселился в нижней части долины иорданской, которая в то время занята была пятью богатыми городами. Города эти Содом, Гоморра, Севоим, Адма и Бела (или Сигор) составляли союз пятиградия; каждый из них имел своего особого царя, но во главе их стоял царь Содомский. Население этих городов отли-

чалось возмутительным растлением нравов и порочностью, омерзительными и противоестественными пороками. Но помимо этого нравственного нечестия, тревожившего еще не совсем испорченную совесть Лота, его неожиданно постигло страшное бедствие. Города эти платили дань Хедорлаомеру, царю Елама, одного из государств в пределах Месопотамии. В тринадцатом году своего подчинения они восстали, отказались платить дань, и Хедорлаомер с тремя союзными царями двинулся для их усмирения и наказания. Против него выступил царь Содомский в союзе с четырьмя царями других городов долины. Войска враждующих сторон встретились в долине Сиддим, изобилующей множеством смоляных ям. Содомляне были разбиты и обращены в бегство, цари Содомский и Гоморрский попадали в ямы и погибли, а остальные убежали в горы. Победители захватили все имущество Содома и Гоморры со всеми запасами их, и с большой добычей и множеством пленных отправились в обратный поход. Среди пленников оказался и Лот, который в это время жил в Содоме. Когда до Аврама дошло известие о таком бедствии его племянника, он немедленно вооружил своих рабов в числе 318 человек и в союзе с соседними дружественными племенами бросился в погоню за неприятелем. Застигнув его у Дана (в северной части Палестины), он с двух сторон ночью напал на беспечных победителей, разбил их, обратил в бегство, освободил всех пленных вместе с Лотом, своим племянником, и возвратил всем отнятое обратно имущество, отказавшись сам даже от подарков, принесенных ему в благодарность за освобождение новым царем Содомским.

Возвращение Аврама с этой победой ознаменовалось одним весьма замечательным событием. Навстречу ему среди других вышел Мелхиседек, царь Салимский, с хлебом и вином. Это был в то же время «священник Бога всевышнего», и он благословил Аврама именем Бога всевышнего, а Аврам дал ему десятую часть из всего. Неожиданное появление и исчезновение Мелхиседека окружает его личность необычайной таинственностью. Что он был вместе и царем, и священником, это совершенно согласно с патриархальным состоянием древнего общества; но его священство, по-видимому, было выше обычного священства главы семейства, как это видно из необычайного почтения, оказанного ему Аврамом. Отсюда он сделался паразитическим прообразом великого Первосвященника Нового Завета, а его история показывает, что истинная вера сохранялась еще и вне избранного семейства.

Как ни полна была победа Аврама, но она могла повлечь за собой лишь страшное мщение со стороны разбитого царя, и потому теперь Аврам более чем когда-либо нуждался в нравственном ободрении. И Господь в четвертый раз явился ему и сказал: «Не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя будет весьма велика». В ответ на жалобу о бездетности со стороны Аврама Господь дал ему обещание о многочисленном потомстве. «Посмотри на небо, – сказал ему Господь, – и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. Столько будет у тебя потомков». «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». Великое обещание было подтверждено заветом, заключенным по обряду того времени при посредстве рассеченных животных, и во время напавшего на Аврама глубокого сна Господь сделал откровение о дальнейшей судьбе его потомства, именно, что оно в течение четырехсот лет будет в рабстве и унижении в чужой земле, но выйдет оттуда с большим богатством, возвратится в землю обетованную, и она отдана будет ему во владение – «от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.